

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2019.10.10>

Каймаразов Гани Шихвалиевич, Каймаразова Лейла Ганиевна

СОБЫТИЯ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В ДАГЕСТАНЕ (1918-1921 ГГ.) ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ КОМИЧЕСКОГО (ПО ВОСПОМИНАНИЯМ ОЧЕВИДЦЕВ)

В статье предпринята попытка на основе источников личного происхождения - воспоминаний очевидцев, - часть из которых впервые вводится в научный оборот, рассмотреть события Гражданской войны в Дагестане через оптику комического. Поставленная задача решалась при помощи обобщения практик, методик, концепций и подходов, применяемых в истории, этнографии, психологии. Авторы пришли к выводу, что комические ситуации, зафиксированные в воспоминаниях представителей разных социальных слоев и политических групп, связаны с уникальным жизненным опытом и способностью с юмором оценить своих современников и совершаемые ими поступки. Особое внимание обращается на то, что чувство юмора помогает человеку адаптироваться в экстремальных условиях. Исследованием подтверждается авторская позиция о том, что отраженные в воспоминаниях факты дают возможность расширить представления о менталитете дагестанцев.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/9/2019/10/10.html

Источник

Манускрипт

Тамбов: Грамота, 2019. Том 12. Выпуск 10. С. 56-63. ISSN 2618-9690.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/9.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/9/2019/10/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

Список источников

1. Зверев А. Г. Записки министра. М.: Политиздат, 1973. 270 с.
2. Ивлев Н. Н. Материально-техническая база финансовых органов Челябинской области в годы Великой Отечественной войны // Самарский научный вестник. 2018. Т. 7. № 4. С. 257-262.
3. Круглянский М. Р. Высшая школа СССР в годы Великой Отечественной войны. М.: Высшая школа, 1976. 314 с.
4. Плотников К. Н. Очерки истории бюджета Советского государства. М.: Госфиниздат, 1955. 556 с.
5. Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 7733. Оп. 26.
6. РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 27.
7. РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 28.
8. Сиверцева Н. Л. Великая Отечественная война и высшая школа // Социологические исследования. 1994. № 3. С. 70-75.
9. Советская высшая школа в годы Великой Отечественной войны / под ред. Ф. Б. Комала. М.: Высшая школа, 1980. 232 с.
10. Сперанский А. В. Высшая школа СССР в 1941-1945 гг.: экзамен войны // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия «Социально-гуманитарные науки». 2015. Т. 15. № 3. С. 33-38.
11. Сперанский А. В. На войне, как на войне... Свердловская область в 1941-1945 гг. Екатеринбург: Сократ, 2012. 408 с.
12. Тамарченко М. Л. Советские финансы в период Великой Отечественной войны. М.: Финансы, 1967. 143 с.

**ACTIVITY OF HIGHER EDUCATION INSTITUTIONS OF THE USSR PEOPLE'S COMMISSARIAT OF FINANCE
IN THE YEARS OF THE GREAT PATRIOTIC WAR**

Ivlev Nikita Nikolaevich, Ph. D. in History
South Ural State Institute of Arts named after P. I. Tchaikovsky, Chelyabinsk
Ivleven.n.n@mail.ru

The article considers the history of forming and developing a system of higher education institutions within the jurisdiction of the USSR People's Commissariat of Finance in the years of the Great Patriotic War. The author covers the problems of the graduates' enrolment and allocation, analyses the methods to train financial specialists. It is shown that before the Great Patriotic War, the higher education system of the USSR People's Commissariat of Finance was being formed, and the exploded war led it to a deep crisis. The educational institutions reopened only after 1943, when the work of the evacuated higher education institutions was fully resumed and material and technical support of higher school was organized.

Key words and phrases: The Great Patriotic War; The USSR; finance; financial education; educational institutions; staff training.

УДК 94(470.67)084.3+159.923.375(470.67)+316.6(470.67)
<https://doi.org/10.30853/manuscript.2019.10.10>

Дата поступления рукописи: 12.08.2019

В статье предпринята попытка на основе источников личного происхождения – воспоминаний очевидцев, – часть из которых впервые вводится в научный оборот, рассмотреть события Гражданской войны в Дагестане через оптику комического. Поставленная задача решалась при помощи обобщения практик, методик, концепций и подходов, применяемых в истории, этнографии, психологии. Авторы пришли к выводу, что комические ситуации, зафиксированные в воспоминаниях представителей разных социальных слоев и политических групп, связаны с уникальным жизненным опытом и способностью с юмором оценить своих современников и совершаемые ими поступки. Особое внимание обращается на то, что чувство юмора помогает человеку адаптироваться в экстремальных условиях. Исследованием подтверждается авторская позиция о том, что отраженные в воспоминаниях факты дают возможность расширить представления о менталитете дагестанцев.

Ключевые слова и фразы: комическое; чувство юмора; Гражданская война; Дагестан; воспоминания очевидцев; военная реальность; дагестанский менталитет.

Каймаразов Гани Шихвалиевич, д.и.н., профессор
Каймаразова Лейла Ганиевна, к.и.н.
Институт истории, археологии и этнографии
Дагестанского федерального исследовательского центра Российской академии наук, г. Махачкала
kajmarazova@mail.ru; kajmarazova64@mail.ru

**СОБЫТИЯ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В ДАГЕСТАНЕ (1918-1921 ГГ.)
ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ КОМИЧЕСКОГО (ПО ВОСПОМИНАНИЯМ ОЧЕВИДЦЕВ)**

Сегодня, по прошествии почти ста лет с момента завершения Гражданской войны в России, не ослабевает научный интерес к этим сложным и драматическим событиям, в том числе в национальных районах страны. В последние годы историки активно ведут разработку новых направлений – история повседневности, личная

история, социальная история и т.д., – которые позволяют под новым углом зрения осветить широкий круг исследовательских проблем историографии Гражданской войны, в том числе в условиях многонационального региона.

Цель настоящей статьи – расширить представление о событиях в Дагестане в период Гражданской войны, рассмотрев их через оптику комического. Для решения поставленной исследовательской задачи мы обратились к источникам личного происхождения – воспоминаниям очевидцев. Подобный ракурс в освещении проблемы избирается впервые. В этом и состоит **научная новизна** нашего исследования. Хронологические рамки соответствуют периодизации Гражданской войны в регионе, а географические – определяются территорией современного Дагестана.

Потребность человека и общества в юморе как способности человека увидеть смешную сторону в каком-либо явлении или событии и представить ее в шутливом виде [22] с особой остротой ощущается в момент экстремальных ситуаций, связанных с военными действиями.

Обобщение оказавшегося в нашем распоряжении фактического материала показывает, что в условиях военных действий понимание комического как реакции на определенные недостатки и аномалии уступает место пониманию комического как психологического переживания, влияющего на само восприятие реальности. «Насмешка над поставленной проблемой сразу преодолевает ее в сознании, и человек получает удовольствие от этой “победы”, что выражается в смехе» [25, с. 109]. Помимо этого появляется возможность по-новому осмыслить экстремальный опыт конкретной личности в жизненных событиях [11, с. 205].

Изучение событий военного времени через оптику комического носит междисциплинарный характер, поскольку пополнение научного знания в этой области предполагает обобщение практик, методик, концепций и подходов представителей разных отраслей науки – истории и этнографии, филологии и искусствоведения, философии и психологии. Сегодня авторы, наряду с использованием традиционных источников, все чаще обращаются к источникам личного происхождения, используют междисциплинарный метод, модернизационный анализ, что позволяет провести более всестороннее и глубокое исследование на основе фундаментальных принципов объективности и историзма [8, с. 65].

Сочетание «публичного» и «приватного», «макроисторического» и «микроисторического» помогает осуществить историческую реконструкцию отдельных событий и разглядеть в них комические аспекты. Учитывая, что в условиях войны происходит резкий отход от нормы, а комический эффект вызывают такие ситуации, которые представляют собой очевидные отклонения от нормы [24, с. 54], мы посчитали возможным пользоваться методологическим подходом «норма/аномалия» [9, с. 7].

На протяжении многих лет источниковую базу истории Гражданской войны составляли официальные документы органов власти и правящей коммунистической партии. Историческую картину во многом дополняли воспоминания участников событий победившей стороны, публикация которых, в том числе на страницах периодической печати, должна была не только осветить события прошлого, но и вызвать их обсуждение в обществе для формирования «правильных» взглядов, убеждений, норм поведения.

Воспоминания участников Гражданской войны в Дагестане хранятся в фонде 8-п Центрального государственного архива Республики Дагестан (ЦГА РД) и фонде 2 Научного архива Института истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра Российской академии наук (НА ИИАЭ ДФИЦ РАН).

В 1957 г. республиканским книжным издательством были выпущены в свет сборники «Борьба за власть Советов в Дагестане: сборник воспоминаний участников» [2] и «В боях за власть Советов: воспоминания участников социалистической революции и Гражданской войны в Дагестане» [3]. Начиная с конца 1980-х гг., региональная историография обогатилась публикациями документов и мемуаров противников большевизма, участников «белого движения». Взгляд на события Гражданской войны под иным углом зрения получил отражение в воспоминаниях М.-К. Дибирова [5], М. Джафарова [16], сборниках документов и материалов об А.-Х. Акушинском [1], Н. Гоцинском [6], У.-Х. Салтинском [23], о деятельности Союза объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана [19], по истории Дагестана в период денкинской «автономии» [4] и т.д. Эти публикации помогают преодолеть явное преобладание односторонности изданий советского периода и создать более объемное и многомерное историческое видение событий Гражданской войны, в том числе через призму комического.

Наше внимание привлекли рассказы о Гражданской войне руководителей (А. Тахо-Годи [21], Н. Самурский [18], И. Махмудов и др.) и рядовых участников борьбы за установление советской власти. Во многом отразить многополярность политической ситуации в Дагестане в годы Гражданской войны и иностранной интервенции помогли воспоминания тех, кто волею судьбы оказывались то по одну, то по другую сторону баррикад (М.-К. Дибиров, Х. Мусаев [12] и др.). Формированию нового взгляда на события вековой давности способствовало вплетение в канву сюжета воспоминаний активных противников советской власти (М. Джафаров, А. Гасанов и др.).

Воспоминания из упомянутых публикаций и не вовлекавшиеся в научный оборот мемуары составили источниковую базу нашего исследования. И, как мы смогли убедиться, многим из авторов воспоминаний не было чуждо чувство юмора.

В хронологии событий, происходивших на территории Дагестана в годы Гражданской войны, можно выделить несколько этапов. Первый пришелся на май-август 1918 г., когда в Дагестане сосуществовали органы советской власти, Дагестанского мусульманского областного национального комитета (мили-комитета) и других политических организаций. В роли руководителей борьбы за советскую власть выступили У. Буйнакский,

М. Дахадаев, Д. Коркмасов, А. Тахо-Годи и др. Второй этап – это август-сентябрь 1918 г. – когда советская власть пала под ударами отрядов Л. Бичерахова, была установлена диктатура князя Н. Тарковского и убит один из лидеров сторонников советской власти М. Дахадаев. Третий этап совпал с германо-турецкой интервенцией в октябре-декабре 1918 г. Н. Тарковский уступил власть Горскому правительству, от имени которого действовали турки. После поражения Германии в Первой мировой войне и капитуляции Турции ее войска стали покидать Дагестан, за исключением оставшихся в области на правах подданных Горского правительства. Начался четвертый этап, который длился с декабря 1918 года по апрель 1919 г. В центре Дагестанской области – Темир-Хан-Шуре – образовалась английская военная миссия. Сформированное в декабре 1918 г. новое Горское правительство стало ориентироваться на англичан. В начале 1918 г. активизировалась борьба большевиков за восстановление советской власти. С мая 1919 г. по март 1920 г. (пятый этап) в Дагестане находились войска А. Деникина и было образовано Временное правительство Дагестана во главе с генералом М. Халиловым. 13 мая была арестована группа деятелей подпольного обкома РКП(б) во главе с У. Буйнакским. Задержанные были расстреляны по приговору военно-шариатского суда. После двух антиденикинских восстаний (июль и август-сентябрь 1919 г.), создания Совета обороны Северного Кавказа, при активной поддержке экспедиционного корпуса 11-й Красной армии в Дагестане началось восстановление советской власти. Шестой этап (сентябрь 1920 г. – май 1921 г.) завершился подавлением антисоветского восстания во главе с Н. Гоцинским, когда против восставших выступили ударная группа войск Красной армии под командованием А. Тодорского и партизанские отряды. Советская власть утвердилась в регионе.

Одним из влиятельных факторов политической и духовной жизни дагестанцев все эти годы оставался ислам, поэтому не случайно в событиях 1918-1921 гг. активную роль играли известные религиозные деятели Нажмуддин Гоцинский¹, Али-Хаджи Акушинский², Узун-Хаджи Салтинский³.

Значимое место в воспоминаниях отводится историческим личностям, получившим широкую известность среди дагестанцев. Интересно, что комические черты, как правило, подмечаются авторами воспоминаний в отношении представителей противоборствующего лагеря. Хотя, надо отметить, зачастую характеристики эти довольно корректные.

К примеру, когда А. Тахо-Годи в 1927 г. писал о Н. Гоцинском как о лидере, хорошо знающем психологию горских масс, во многом живущих воображением и фантазией, он обратил внимание на то, что Гоцинский «широко применяет позу. Поза всюду: и в воззваниях, и в приемах, и в разговорах. Мощное воздействие на воображение детски наивного горца – вот основное орудие Нажмуддина» [21, с. 28].

Характеристику Гоцинскому Тахо-Годи дает довольно профессионально: сказывается образовательный уровень, высокоразвитые интеллектуальные способности и внутренняя культура автора. Две-три тонко подмеченные особенности, и Гоцинский уже легко узнаваем в других сюжетах, и не только в книге А. Тахо-Годи.

В воспоминаниях дагестанского художника Х. Мусаева, обладающего «определенным опытом достижения комического эффекта (преувеличением или заострением характерных черт) в изображении социальных, общественно-политических, бытовых явлений или характерных типов людей» [20, с. 123], Н. Гоцинский не только способен воздействовать на «наивного горца», но и сам может выглядеть наивным. По рассказу художника, как-то Н. Гоцинский пригласил его к себе, «остроумно расспрашивал о Европе» и попросил нарисовать свой портрет. «Имам... оставался настолько человечным и импульсивным, что смог меня наивно спросить: “Если ты меня нарисуешь, то, наверное, постарайся сделать это правдоподобно. А не смог бы ты все же изобразить мою бороду черной и красивой?”». А борода у него действительно начала седеть и редеть. Когда же я его убедил в том, что смогу выполнить его желание, этот большой человек выразил такое удовлетворение и такую простодушную радость, что тут же окончательно завоевал мое сердце» [12, с. 194].

В своей книге «Революция и контрреволюция в Дагестане» А. Тахо-Годи описывает, как шла борьба за симпатии Али-Хаджи Акушинского. Автор, используя легкую иронию, создал образ Али-Хаджи. «Глубокий старик, один из полдожины даргинских шейхов, наиболее почитаемый за свою седину, смирение и ученость, в лице которого, по словам горцев, светится “нур” – свет (т.к. Али Хаджи, в пример крестьянам, никогда в своей жизни не был под палящими лучами солнца ни на своей, ни на общественной крестьянской работе, а сидел в мечети, или у себя дома, над “священными арабскими книгами”)...» [21, с. 132]. Как подмечает Тахо-Годи, Социалистическая группа противопоставила А.-Х. Акушинского Н. Гоцинскому, после чего началась «взаимная неприязнь Али Хаджи и Нажмуддина, которая в разные моменты развития революции приносила неоценимые услуги делу революционного движения не в одном только дагестанском масштабе» [Там же, с. 42].

Популярность А.-Х. Акушинского в ряде округов Дагестана была столь велика, что сохранялась после установления советской власти, и на его родине создалась своеобразная ситуация. По воспоминаниям Д. Магомедовой, после победы советской власти в селе Акуша, по существу, установилось двоевластие. «С одной стороны – шариатская власть, возглавляемая шейх-уль-исламом Али-Хаджи Акушинским, с другой стороны – власть коммунистов» [1, с. 192].

¹ Нажмуддин Гоцинский – один из лидеров мусульманского движения в Дагестане, на первом съезде горских народов (май 1917 г.) был избран муфтием Северного Кавказа, на втором съезде (август 1917 г.) – провозглашен муфтием Северного Кавказа и Дагестана.

² Али-Хаджи Акушинский – исламский богослов, общественный и политический деятель Дагестана, на третьем съезде дагестанских представителей (январь 1918 г.) был избран шейх-уль-исламом Дагестана, один из инициаторов антиденикинского восстания в августе 1919 г.

³ Узун-Хаджи Салтинский – дагестанский и чеченский религиозный и политический лидер, суфийский шейх, глава Северо-Кавказского эмирата.

А. Даниялов, в будущем один из руководителей Дагестанской АССР, поделился детскими воспоминаниями о другом известном дагестанском религиозном деятеле периода Гражданской войны Узун-Хаджи Салтинском. Узун-Хаджи проехал со своим отрядом через аул Ругуджа в сторону Чечни, и это было не рядовое событие, поэтому вспоминалось Даниялову ярко, эмоционально. «Вскоре у въезда в аул показалось голубое знамя (голубой цвет – цвет тюркской национальной культуры. – Г. К., Л. К.), затем верховые, которые пели зикру. Узун-Хаджи ехал медленно, с каждым здоровался за руку». Когда Узун-Хаджи заметил Абдурахмана, он приостановил лошадь и сказал: «Дайте-ка, я пожму руку этому маленькому брату по религии...». «“Узун” – слово кумыкское, означает – длинный, высокий. Кто и почему дал такое имя низкорослому и щупленькому выходцу из аула Салта, не знаю» [23, с. 108].

Личность Узун-Хаджи привлекла внимание и Магомеда Джафарова, бывшего полковника Российской императорской армии. Надо учитывать, что свои воспоминания он писал, находясь в тюрьме, спустя более 10 лет после описываемых событий, и его опыт трансформировался и изменился в зависимости от жизненных обстоятельств. Оценки, высказанные им в отношении советских деятелей, были корректными и осторожными, а по поводу противников советской власти – отличались определенной резкостью. М. Джафаров, называя Узун-Хаджи самым активным деятелем среди «шариатистов», отметил, что жажда власти руководила всеми его действиями, особенно по отношению к туркам. «Турки для Узун-Хаджи с самого начала революции были самой желанной и самой любимой мечтой. На них возлагались все его надежды... Турки пришли в Дагестан. Но, увы! <...> Они даже не заметили, или не хотели заметить этого маленького человека, которого еще раньше в насмешку свои прозвали “большим Хаджи”» [16, с. 64].

«Маленького роста, почти карлик, Узун-Хаджи отличался чрезвычайной храбростью, твердостью и большой силой воли, – писал в 1925 году в своей книге “Дагестан” Н. Самурский. – Благодаря этим качествам, Узун-Хаджи подчинил почти всю Аварию, Андию и Чечню. Человек очень умный, образованный, с некоторыми демократическими взглядами (шариатской, конечно, демократии), он зашел в безвыходный тупик, ибо поставил перед собой непостижимую цель – повернуть колесо истории назад... в 1919 году он дошел до создания карикатурной шариатской монархии (эмирства) в Чечне под протекторатом турецкого султана...» [23, с. 162].

В этой характеристике, как и в предыдущей, соседствуют юмористическое и сатирическое. Физическая особенность внешности Узун-Хаджи – маленький рост – становится объектом насмешки, которая трансформируется в более мягкую, даже сочувственную иронию, когда оценивается сама деятельность религиозного деятеля и при этом не умаляются его лидерские качества.

Не лишены иронии воспоминания А. Гасанова, бывшего помощника по гражданской части диктатора Дагестана Н. Тарковского при описании личности правителя. «Громадным недостатком Тарковского была податливость: лица, которых он оправданно считал нечестными, нередко с успехом настраивали его в свою пользу, и это парализовывало борьбу со злоупотреблениями... Мирное население ожидало от диктатора твердой власти, но власть была слишком мягка. Несмотря на наружную уверенность, с которой Тарковский делал все свои распоряжения, он чувствовал, что, в общем, не делает того, что нужно сделать... чувствовал, что ему выпала задача не по плечу» (Рукопись мемуаров А. Гасанова, правленая автором) [13, д. 71, л. 7 – 7 об.]. Таким образом, полковник Н. Тарковский, «являя примерную доблесть и храбрость» в сражениях Первой мировой войны [7, с. 86], вне армии действовал непоследовательно и нерешительно, что вызывало ироничное отношение к нему со стороны его же подчиненных. Отсутствие необходимых качеств самостоятельного политического лидера привело к тому, что деятельность Н. Тарковского в роли государственного руководителя оказалась недолгой.

Источником комизма нередко становились ситуации, в которые попадали рядовые участники событий, как сторонники советской власти, так и ее противники.

И. Махмудов¹ один из сюжетов своих воспоминаний посвятил Абдул-Меджиду Алиеву, осужденному и расстрелянному деникинцами в числе пяти членов подпольного обкома. Алиев, имевший при себе ручной пулемет, использовался на самые трудные и опасные поручения. «Со своим ручным пулеметом он являлся как бы вооруженной силой подпольного комитета» (Безымянный герой. Воспоминания И. Махмудова) [26, д. 10, л. 14].

Весной 1919 г. находившиеся в с. Кумторкала члены подпольного обкома узнали о намерении Горского правительства перевезти оружие и боеприпасы из Темир-Хан-Шуры в Порт-Петровск. Следить за проходящими поездами на вокзал был отправлен Абдул-Меджид с его «неразлучным другом» – пулеметом. В одном из вагонов он увидел полковника в форме. Недолго думая, Алиев взял его в плен. Ситуация сложилась абсурдная: в Порт-Петровске стоял казачий отряд, в Темир-Хан-Шуре располагалось Горское правительство, члены самого комитета РКП(б) находились в подполье, «в тесном окружении контрреволюции», когда к ним на подпольную квартиру был доставлен «пленник» начальствующего состава вооруженных сил вражеского лагеря. Продержав полковника 2-3 часа, подпольщики объявили «арестованному», что произошло недоразумение, и не просто отпустили, а даже проводили его до поезда [Там же, л. 16].

По прошествии времени то, что казалось чрезвычайно опасным в условиях военных действий, стало выглядеть смешным. Изложенное в воспоминаниях событие под влиянием приобретенного жизненного опыта подвергалось переосмыслению и модификации.

В свое время для облегчения работы по записям воспоминаний, там, где это возможно, М. Горький предлагал «собираться группами и проверять показания друг друга». По всей видимости, этим советом восполь-

¹ И. Махмудов – член Дагестанского подпольного обкома РКП(б), во время борьбы с деникинцами был секретарем Совета обороны Дагестана.

зовались члены бригады железнодорожников станций Махачкала-I (Петровск-Кавказский) и Махачкала-II (Петровск-Порт). Оформил собранный материал И. Маслов¹.

За 1917-1921 гг. через станцию Махачкала-I прошла не одна наступающая или отступающая армия. Командант станции Мартышевский вспоминал, как в сентябре 1918 г. на станцию прибыл броневик Бичерахова. Когда через три дня Мартышевского арестовали, в тюрьме он встретился с В. Ляховым², который поведал ему о подробностях личной беседы с Бичераховым. Бичерахов интересовался фактами из биографии и чином Ляхова в Красной гвардии: «Вы обдумайте-ка лучше, а потом бросьте возиться с этими босяками-большевиками. Ведь Вы же в чине штабс-капитана, я Вам дам чин подполковника, дам отряд, которым Вы же будете командовать». Ляхов, улыбаясь, ответил: «Вы сами еще в чине полковника и не имеете права повышать чины...» [Там же, д. 63, л. 10].

Казалось бы, комическое проявляется там, где его никак не должно быть. Несмотря на реальную угрозу для жизни, красный командир находит в себе силы шутить, старается не растеряться перед лицом надвигающейся опасности, освободиться от чувства страха, помещая его в комический контекст. На этом примере видно, как вербализация страха ведет к его ослаблению [15, с. 48].

В воспоминаниях современников событий Гражданской войны встречаются и комические описания интервентов, прежде всего турок и англичан.

Командир 1-го Дагестанского конного полка, состоявшего на службе у Горского правительства, М. Джафаров с юмором описывает, как после капитуляции Германии турецкие войска спешно покинули Дагестан. «Можно представить себе, – писал он в своих мемуарах, – как удивились многие в Дагестане, когда турки в один прекрасный день исчезли из Дагестана... По ультиматуму англичан, они должны были очистить Кавказ в 24 часа, и нужно отдать им дань справедливости, турки выполнили взятое на себя обязательство» [16, с. 177].

А в воспоминаниях железнодорожников описано появление в Дагестане английских военнослужащих, которые дислоцировались, главным образом, в Петровске-Кавказском. Быстро усвоив русский язык, они «интересовались политическими событиями в России, спрашивая, кто такие большевики, чего они хотят и т.д., сами представляя их как необыкновенных людей и обязательно с рогами» [26, д. 63, л. 39]. Вскоре, после соответствующей обработки местными активистами, среди них началось брожение, появились слухи, что некоторые летчики вместе с аэропланами хотели перелететь на сторону большевиков. «Так или иначе, но всю эту летную команду совместно с национальной частью в 24 часа сняли, разоружили и отправили через Баку в Англию, чтобы не заразились большевизмом» [Там же, л. 40].

На смену убывшим военным служившим прибыла пехота из национальных колониальных частей. «Их называли “сипай” – “настоящие дикари-огнепоклонники, высокие и худые, с длинными бородами и чалмой на голове”. На контакт с ними идти было трудно, особенно, без знания английского языка. Помогала заученная наизусть фраза: “Мистер, гив мий сигарет...”. Она звучала практически при каждой встрече» [Там же, л. 41]. Во время «культурной смычки» (вечера самодеятельности. – Г. К., Л. К.) местными критиковались «буржуи», что вызвало у английских военных смех и аплодисменты. И хотя «гости» высмеивали большевиков, тем не менее также поддались обработке и к моменту отъезда стали неплохими «агитаторами за советскую идею» [Там же].

Вызывают улыбку зафиксированные в воспоминаниях сопоставления действий и описаний представителей противоборствующих сторон – красных и белых.

А. Тахо-Годи с определенной долей иронии рассказывает, как в январе 1918 г., накануне созыва Областным исполнительным комитетом Третьего съезда дагестанских представителей в Темир-Хан-Шуре возникло противостояние между сторонниками Гоцинского и Узун-Хаджи с одной стороны и силами Социалистической группы – с другой. Внешне это проявилось в том, как входили в город противники. «В 3 часа дня вдруг город огласился страшными кликами: то входило в Шуру “войско” имама, распевая священные гимны... Участники процессии чувствовали себя победителями» [21, с. 39]. Через несколько дней была организована ответная акция. Социалистическая группа вызвала в Темир-Хан-Шуру силы, подобные имамовским, численностью в несколько тысяч человек, но уже с красными знаменами и революционными гимнами под оркестр реального училища [Там же, с. 41].

В своей книге «Страна последних рыцарей» Х. Мусаев описывает судьбу своего двоюродного брата Алтая, «белого офицера», ранее дружившего с большевиком У. Буйнакским и, по словам Мусаева, вынужденно подписавшего вынесенный революционеру смертный приговор в бытность членом военно-шариатского суда. Когда к власти пришли большевики, из «блестящей светской жизни» Алтай попал в тюрьму. В те дни в доме красного командира Иванова собралась веселая компания. Речь зашла об интеллигентном и галантном заключенном, и дамы уговорили хозяина дома разрешить ему «хотя бы на часок» принять участие в их «вечеринке». «Увидев в доме Ивановых... красивых женщин и веселую пирушку, он быстро сориентировался в пикантной ситуации, романтичность которой была полностью в его духе, и воодушевленный сознанием того, что трагическая судьба делала его неотразимым, он очаровал все общество и в том числе хозяина дома... Один час... превратился в четыре, а когда Алтай прощался, его обнял командир большевиков и подарил ему в знак дружбы дорогой браунинг...» [12, с. 189].

Почему же общительный и компанейский белый офицер «пришелся ко двору» на вечеринке в доме красного командира? Видимо, по той причине, что в условиях военного времени, затяжного состояния страха

¹ И. Маслов – железнодорожник, член первой большевистской организации Петровска.

² В. Ляхов – комиссар, а затем командир одного из астраханских красногвардейских отрядов в Дагестане, погиб в 1918 году.

и постоянного нервного напряжения возникает желание «расслабиться» возможными способами. Поэтому весельчаки и балагуры, подобные Алтаю, становятся особо востребованными, а грань между «своими» и «чужими» проявляется не так явственно.

Интересно, что мысль о рыцарстве горцев озвучил не только Х. Мусаев, но и Н. Самурский. «Характерно, – пишет он в книге “Дагестан”, – что борьба горской бедноты с ее порабителами, при всем своем упорстве и непреклонности смягчалась порой в горах Дагестана, поскольку дело касалось самих горцев, соблюдением некоторых рыцарских правил, как пережитка той эпохи, когда война, как состязание, обязывала воюющие страны к соблюдению известных традиций» [18, с. 87]. Воинский этикет, нормы этикетного поведения готового к военным действиям мужчины занимали значительное место в традиционной культуре народов Дагестана, общественные жизнь и быт которых на протяжении веков носили военизированный характер [10, с. 247].

Н. Самурский рассказал, как в 1919 г. контрреволюционный отряд в горах задержал, а затем отпустил женщину, откровенно признавшуюся, что она пробирается к мужу, известному революционеру и коммунисту. Еще более показательным стал случай во время осады Гунибской крепости в 1920-1921 гг. отрядами Н. Гоцинского. У гарнизона крепости закончилось продовольствие, и Н. Самурский, комиссар партизанских отрядов, обратился к осаждавшим со словами, что «нетрудно сытым взять голодных». Ночью, под непрекращающимся огнем из крепости осаждавшие приблизились к ее стенам, оставили мешки с мукой и другими съестными припасами и быстро отошли. И так повторялось несколько раз [18, с. 87]. Этот пример сродни тому, как дагестанский этикет предписывал вести себя вооруженному мужчине с невооруженным или неравнозначно вооруженным противником [10, с. 245].

Таким образом, воспоминания хранят «живые» свидетельства о сострадании и гуманном отношении не только к «своим», но и к «чужим».

И еще об одном моменте. Авторы-составители упомянутых нами сборников воспоминаний говорили, что зачастую опрашиваемые с меньшей охотой описывали жестокость боевых действий, а старались рассказать смешные истории из своей жизни периода Гражданской войны. И по мере того, как проходило все больше времени с момента свершения события до его фиксации, комические ситуации описывались авторами с возрастающей юмористической теплотой.

Комические ситуации возникали на полях сражений, в организации подпольной работы, что также нашло отражение в воспоминаниях. М.-К. Дибиров сообщал, что в апреле 1917 г. после неудачного похода на г. Баку войска Н. Гоцинского вернулись к Петровску и после боя вошли в город. Их с целью грабежа городского населения сопровождали невооруженные «хуржунники (сумочники)». Испугавшись боевых действий, они «начали бежать из города, и этим смутив войска, внесли среди них замешательство и панику; они также начали бежать» (Дибиров Магомед-кади. История Дагестана (события после революции)) [14, д. 256, л. 69].

Во время сражения против денкинцев под Ая-Кака сложилось критическое положение для партизанского отряда Г. Далгата. По воспоминаниям А. Далгата, партизаны проявили находчивость и с наступлением ночи выставили на бугры бурки. Противник открыл по ним огонь, а горцы тем временем ударили во фланг неприятеля [2, с. 56].

Осенью 1919 г., в дни борьбы против денкинских войск в Южном Дагестане партизаны испытывали острую нужду в оружии. В своих воспоминаниях один из активных участников боев Г. Сафаралиев отдельный рассказ посвятил пушке, которую прозвали «етим топ», т.е. «сирота-пушка» – уж очень часто ее приходилось подвергать починке. «Ее выстрел, помнится, не мог сокрушить даже мельничной стены» [3, с. 91]. Пушка эта, по всей видимости, пользовалась большой популярностью, поскольку о ней вспоминает и секретарь штаба одного из партизанских отрядов, действовавших в Южном Дагестане, З. Эфендиев, называя ласково – «Сиротка». «В ответ на десять-пятнадцать снарядов наша “Сиротка” ограничивалась одним выстрелом, ибо у нас не хватало боеприпасов» [Там же, с. 210].

Председатель совета отряда, действовавшего в низовьях реки Терек, К. Михеев был отправлен на подпольную работу в денкинский тыл. Он появился в знакомой семье в женском платье под видом дальней родственницы, переболевшей тифом. «Мой небольшой рост, фигура, мой сравнительно мягкий голос – все это подходило под девичий облик. Ежедневное бритье, пудра, помада, платье, платок хорошо скрыли мужчину. А тут еще помог местный обычай – при выходе на двор, в поле девушки закрывали от солнца лицо так, что видны были только одни глаза... Так я стал Гапкой...» [2, с. 143-144]. А в ночное время суток и во время визитов в будущий партизанский отряд он снова становился Михеевым.

В воспоминаниях очевидцев событий сохранилось немало комических сюжетов, связанных с повседневной реальностью.

По воспоминаниям Д. Саидова, в марте 1920 г. шло наступление войск Совета Оборона и отрядов красных партизан на Темир-Хан-Шуру. Участники местного отряда решили встретить их музыкой. Музыканты, служившие в Дагестанском конном полку еще при императоре Николае II, затем – Временному правительству, после – советской власти, а в последнее время – казакам, вспомнили, что при Махаче Дахадаеве играли «Марсельезу». Красные знамена с лозунгами на арабском языке позаимствовали в мечети. «Неудобно, думаем, с такими знаменами идти на встречу наших, да найти других не представлялось возможным. “Да кто их будет читать, еще на арабском языке, – говорит кто-то, – лучше идти с ними, чем совсем без красных знамен, да еще могут подумать, что мы не красные”» [26, д. 102, л. 137].

В годы Гражданской войны в Дагестане порой возникали самые неожиданные альянсы. Так, вплоть до со-здания Узун-Хаджи так называемого Северо-Кавказского эмирата под протекторатом Османской империи

его войска с красными отрядами Н. Гикало вели совместные действия против деникинцев. К. Михеев рассказывал, как он для налаживания контакта выезжал на территорию Чечни и жил в семье старика-чеченца, который знал русский язык. В этой семье были разногласия на политической почве: муж сочувствовал большевикам, жена – кадетам. Как-то во время приготовления ужина жена недовольно поглядывала на гостей. Старик, заметив, что гостей это смущает, сказал, указывая на жену: «Она настоящий кадет, мать ее кадет, корова ее кадет, курица ее кадет, вся кадет!». А на вопрос приезжих «Не выдаст ли она нас?» хозяин дома ответил, что, несмотря ни на что, жена не может пойти против мужа [2, с. 149].

М. Виноградов, в 1920-1921 гг. военный комиссар трех бригад и 14-й стрелковой дивизии 10-й Красной армии, писал, как непросто было налаживать контакт с местным населением. Когда части дивизии «подходили к укреплению Ботлих, нам, комиссарам, пришлось провести большую разъяснительную работу среди бойцов, так как по полученным сведениям Ботлих славился в Дагестане красивыми женщинами и хорошим вином... Бойцы смеялись, утверждая, что местные жители говорят: “наш Ботлих для Дагестана – это вроде Парижа для Европы”. Заняв Ботлих, мы были приятно поражены большой культурностью жителей этого селения, особенно женщин. Мы дали бойцам указание не заглядываться на здешних красавиц, которые группами ходили по воду, закрыв лицо платками» [17, с. 324].

Итак, способность человека с юмором относиться к сложным ситуациям помогает ему и обществу адаптироваться в экстремальных условиях и направлена на самосохранение.

Новый материал из жизни очевидцев событий Гражданской войны, связанный с уникальным жизненным опытом и способностью с юмором оценить своих современников, совершаемые ими поступки и ситуации, дают воспоминания. Мы получаем возможность увидеть, как с различными оттенками комического воспринимали действительность представители разных социальных слоев и политических групп.

Комические ситуации, описанные в привлеченных нами воспоминаниях, по большей части можно отнести к позитивному юмору, что свидетельствует о гуманистической природе смеха. Помимо этого, зафиксированные в воспоминаниях факты дают возможность расширить представления о менталитете дагестанцев.

Обобщение фактов из воспоминаний очевидцев событий позволяет говорить о некой трансформации представлений о комическом в историческом аспекте. Комизм тех или иных ситуаций, очевидный для участников событий, что и спустя годы подтверждается самими авторами воспоминаний, для наших современников превращается в явление преходящее, частично утрачивающее свой комический эффект.

И, наконец, надо учитывать, что воспоминания, с которыми мы имели дело, собирались, обрабатывались в то время, когда во главу угла ставилась политическая благонадежность. Тексты подвергались цензуре, и это была регулируемая, подконтрольная власти смеховая культура.

Список источников

1. **Али-Хаджи Акушинский – шейх-уль-ислам Дагестана, патриот и миротворец:** документы и материалы / сост. Г. И. Какагасанов, А.-Г. С. Гаджиев. Махачкала: Юпитер, 1998. 240 с.
2. **Борьба за власть Советов в Дагестане:** сборник воспоминаний участников. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1957. 178 с.
3. **В боях за власть Советов: воспоминания участников социалистической революции и Гражданской войны в Дагестане** / отв. ред. Г. А. Аликберов. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1957. 326 с.
4. **Деникинская «автономия» в Дагестане. 1910-1920 гг.:** исследования и материалы / сост. и авт. коммент. Х.-М. Доного. Махачкала: Лотос, 2018. 556 с.
5. **Дибиров (Карахский) М.-К.** История Дагестана в годы революции и гражданской войны / под ред. А.-Г. С. Гаджиева и Д. А. Дахдуева. Махачкала, 1997. 200 с.
6. **Доного Х. М.** Нажмуддин Гоцинский. Махачкала: Издательство Дагестанского гос. пед. университета, 2011. 560 с.
7. **Доного Х. М.** Нух-бек Тарковский – Георгиевский кавалер Первой мировой войны // Вестник Института истории, археологии и этнографии. 2014. № 3. С. 86-89.
8. **Каймаразов Г. Ш., Каймаразова Л. Г.** К вопросу об установлении советской власти в Дагестане и образовании Дагестанской АССР // История, археология и этнография Кавказа. 2018. Т. 14. № 4. С. 63-77. DOI: 10.32653/CH14463-77.
9. **Лебина Н.** Советская повседневность: нормы и аномалии. От военного коммунизма к большому стилю. М.: Новое литературное обозрение, 2018. 488 с.
10. **Лугуев С. А.** Культура поведения и этикет дагестанцев (XIX – начало XX века). Махачкала: ИИАЭ ДНЦ РАН, 2006. 304 с.
11. **Магомед-Эминов М. Ш.** Феномен воспоминаний с позиций темпоральной работы личности с экстремальным опытом // Теория и практика общественного развития. 2014. № 18. С. 205-209.
12. **Мусаясул Халил-Бек.** Страна последних рыцарей: повесть о Мире Кавказских гор. Махачкала: Юпитер, 1999. 304 с.
13. **Научный архив Института истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра Российской академии наук (НА ИИАЭ ДФИЦ РАН).** Ф. 2. Оп. 1.
14. **НА ИИАЭ ДФИЦ РАН.** Ф. 2. Оп. 2.
15. **Огаркова Е. В.** Грани войны. Смеховая культура в условиях повседневности // Известия Волгоградского государственного технического университета. 2015. № 10 (174). С. 47-51.
16. **Полковник Магомед Джафаров:** сборник материалов / отв. ред. Х.-М. Доного. Махачкала: Эпоха, 2005. 303 с.
17. **Роль Красной армии в хозяйственном и культурном строительстве на Северном Кавказе и в Дагестане в 1920-1922 гг.:** сборник документов и воспоминаний / сост. Н. С. Амирханова-Кулиш. Махачкала: Типография им. С. М. Кирова, 1968. 380 с.
18. **Самурский (Эфендиев) Н.** Дагестан. М. – Л.: Гос. изд-во, 1925. 150 с.
19. **Союз объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана (1917-1918 гг.) и Горская Республика (1918-1920 гг.):** документы и материалы / сост. Г. И. Какагасанов, Л. Г. Каймаразова. Изд-е 2-е, испр. и доп. Махачкала: ИИАЭ ДНЦ РАН; АЛЕФ, 2013. 295 с.

20. **Тахнаева П. И.** Карикатура в творчестве дагестанского художника Халил бека Масаясула (Халила Мусаева) – от «Молю Насреддина» (1912-1913) к «Танг Чолпану» (1917-1918) // Вестник Института языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы. 2014. № 5. С. 120-124.
21. **Тахо-Годи А.** Революция и контрреволюция в Дагестане. Махачкала: Дагестанское гос. издательство, 1927. 244 с.
22. **Толковый словарь русского языка Дмитрия** [Электронный ресурс]. URL: <https://dic.academic.ru/contents.nsf/dmitriev/> (дата обращения: 17.05.2019).
23. **Узун-Хаджи Салтинский – политический и религиозный деятель Дагестана и Чечни:** документы и материалы / сост. Г. И. Какагасанов. Махачкала: АЛЕФ, 2017. 254 с.
24. **Федосюк М. Ю.** Представления о комическом в военное время (на материале карикатур периода Первой мировой войны) // Политическая лингвистика. 2011. № 2 (36). С. 54-58.
25. **Худаеврова Н. П.** Комическое и смех в истории мировой эстетической мысли. Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке // История философии. 2012. № 2-3. С. 95-113.
26. **Центральный государственный архив Республики Дагестан** (ЦГА РД). Ф. 8-п. Оп. 3.

THE CIVIL WAR EVENTS IN DAGESTAN (1918-1921) THROUGH THE LENSES OF THE COMICAL (ACCORDING TO EYEWITNESSES' MEMORIES)

Kaimarazov Gani Shikhvalievich, Doctor in History, Professor

Kaimarazova Leila Ganievna, Ph. D. in History

Institute of History, Archaeology and Ethnography of Dagestan Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences, Makhachkala
kaymarazova@mail.ru; kajmarazova64@mail.ru

Relying on personal sources – eyewitnesses' memories, – some of which have been previously unknown, the article examines the Civil War events in Dagestan through the lenses of the comical. The study is based on the interdisciplinary approach combining practices, methodologies, conceptions and approaches used in history, ethnography, psychology. The authors conclude that the comical situations mentioned by the representatives of different social strata and political groups are associated with unique life experience and the ability to preserve humorous attitude to contemporaries and their actions. The researchers emphasize that sense of humour helps a human being to adapt to extreme conditions. The findings justify the authors' opinion that the eyewitnesses' memories contribute to deeper understanding of Dagestan mentality.

Key words and phrases: comical; sense of humour; The Civil War; Dagestan; eyewitnesses' memories; war reality; Dagestan mentality.

УДК 908

Дата поступления рукописи: 22.07.2019

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2019.10.11>

В статье рассматриваются особенности земледельческого производства в крестьянских хозяйствах Арзамасского уезда Нижегородской губернии в конце XIX – начале XX в. На основе архивных документов, в том числе впервые вводимых в научный оборот, уточняются данные о востребованных системах земледелия и земледельческих культурах, об использовании удобрений и техники. Указывается, что крестьяне стремились улучшить производительность своих хозяйств, но не имели для этого средств. Акцентируется внимание на проблеме совершенствования сельскохозяйственных орудий для обработки почвы и уборки урожая в Арзамасском уезде.

Ключевые слова и фразы: крестьяне; крестьянское хозяйство; системы земледелия; травосеяние; удобрения; орудия труда; Нижегородская губерния; Арзамасский уезд.

Кудряшова Анна Сергеевна, к.и.н., доцент

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет имени Н. И. Лобачевского (филиал) в г. Арзамасе
kudryashova.annet@gmail.com

ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКОЕ ПРОИЗВОДСТВО В КРЕСТЬЯНСКИХ ХОЗЯЙСТВАХ АРЗАМАССКОГО УЕЗДА НИЖЕГОРОДСКОЙ ГУБЕРНИИ (КОНЕЦ XIX – НАЧАЛО XX ВЕКА)

Рубеж XIX-XX вв. – важный период в истории России: в преимущественно аграрном государстве стремительно формировались капиталистические отношения. В связи с этим крестьянские хозяйства переживали глубокую трансформацию, имевшую в разных регионах специфические особенности, исследование которых способствует уточнению знаний об аграрной истории страны. Поэтому изучение земледельческого производства в крестьянских хозяйствах Арзамасского уезда Нижегородской губернии является **актуальным**, позволяя понять процессы внедрения прогрессивных сельскохозяйственных технологий и определить уровень эффективности земледелия для местных крестьян.

Цель данной статьи – выявить особенности земледельческого производства в крестьянских хозяйствах Арзамасского уезда Нижегородской губернии как типичного для центрально-европейской части страны.